

ции (не желая понять, что реакция в силу естественного закона должна неизбежно завершить русскую революцию) и мечтает о какой-то роли примирителя между революцией и монархической властью»⁷. Столь критически оценивая направленность политики Столыпина, консерваторы не раз вставали стеной против его реформ, способствовали выхолащиванию их содержания⁸.

Для крайних же правых Столыпин был и вовсе далек от идеала государственного деятеля. Например, «Русское знамя» так аттестовало премьер-министра: «С достаточно скромным развитием, не будучи выдающегося ума, не умея тонко разобраться в идеях и понять принципиальные требования, он смешивал все в одну кучу, коверкая предметы вместо их обработки... Желая облегчить борьбу с революцией усиленными полномочиями администрации, он эти полномочия обратил в источник усиления революции, развив ужасный произвол. Желая прослыть законником, он топтал законы. Безграничным произволом и постоянным насилием Столыпин возбудил против себя всех и вся, начиная с мужиков и кончая сановниками. Высокое самомнение, которое всегда овладевает людьми, случайно выдвинувшимися к власти, ослепляло Столыпина. Таков был этот заурядный человек на первейшем государственном посту, не сумевший стать государственным человеком»⁹.

И для либералов Столыпин был фигурой неоднозначной. Их не устраивало укрепление репрессивного аппарата, кажущаяся медлительность преобразований, правительственные подходы к решению национальных и конфессиональных вопросов. Правые либералы, поддерживавшие многие начинания Столыпина, оказывались в явном меньшинстве. В частных беседах П.Б. Струве, удивляя своих товарищей по партии кадетов, отмечал, что «Столыпин выдается своей силой воли и тем, что у него есть идеи. К тому же он прекрасный оратор... Столыпин был лучшим оратором во II Думе»¹⁰. В.А. Маклаков относил Столыпина к числу тех, кто более других способствовал упрочению в России основ представительного строя¹¹.

Левые либералы оценивали председателя Совета министров иначе. П.Н. Милюков указывал на непомерное властолюбие премьера. М.М. Ковалевский обвинял Столыпина в насилии над русской деревней: «Никогда еще судьбы десятков миллионов людей не решались так опрометчиво, и никогда решения не носили в большей мере характера доктринерской затеи, проводимой кучкой дворян, случайно очутившихся у власти»¹². А.С. Изгоев подготовил фактически первое монографическое исследование, выполненное, однако, в сугубо идеологическом ключе. По мнению Изгоева, декларированная Столыпиным программа не соответствовала тому, что в действительности делало правительство, которое часто было непоследовательным и даже лицемерным. В этой ситуации не могло быть и речи об успешной реализации отдельных, пускай весьма полезных преобразований: «В атмосфере бесправия и беззакония реформа действительно может выродиться в обезземеление части крестьян для увеличения земельных владений кое-каких кулаков». Изгоев признавал, что премьер «обладал большой выдержкой, незаурядным мужеством и безусловным личным бескорыстием. Правда, личное мужество не дополнялось у него мужеством политическим». Столыпин слишком любил власть и ради нее пошел на свертывание курса, который сам провозгласил. Более того, стремясь сохранить свою должность, он был даже готов мстить своим неприятелям, уподобляясь «мелкому уездному администратору». Изгоев соглашался с тем, что у Столыпина был сильный ум, но ум «второго сорта». Он не был способен генерировать новые идеи¹³.

Для левых радикалов самых разных направлений реализация столыпинского курса представляла непосредственную угрозу, ибо снимала с повестки дня их программу на ближайшую перспективу. Причем речь шла о неприятии как столыпинской модели преобразования России, так и правительственных методов ее осуществления. Хотя бы по этой причине Столыпин воспринимался как безусловный враг, борьба с которым должна была быть беспощадной и бескомпромиссной. По словам лидера партии эсеров В.М. Чернова, «Столыпин — автор разгона I Думы... Столыпин — автор полосу военно-полевых судов; даже если вы сосчитаете только число казненных и убитых, только число их самых близких родственников, знакомых и приятелей, то ведь мы будем иметь такую армию естественных пропагандистов для "использования" террористического акта против Столыпина, которую вряд ли можно переоценить»¹⁴. Точно так же и для В.И. Ленина Столыпин — «серьезный и беспощадный враг». От него следовало «ждать всего худшего». Он представлял самые мрачные силы «старого режима». В силу этого премьер — не вполне самостоятельная фигура, это пешка в руках всемогущей камарильи: «Столыпин — не только не полновластный, а совершенно ничтожный лакей царя и царской придворной шайки черносотенцев»¹⁵.